

АННА ВЕЙЛ

Пульс в пустом эфире

18+

— Тишина громче крика —

Анна Вейл

"Пульс в пустом эфире"

<https://litres.ru/74328847>

SelfPub; 2026

Аннотация

Мир замолчал год назад. Больше нет городов — только ветер в мёртвых улицах и треск помех на всех частотах. Вивьен потеряла всех в один день. Единственное, что её держит, — старая радиостанция: каждую ночь она выходит в эфир и зовёт тех, кого, возможно, давно нет. Молчать — значит сдаться.

Однажды сквозь белый шум она слышит голос.

Его зовут Джеймс. У него свой счёт потерь. Он умеет выживать, но разучился жить. Как и она.

Между ними — тысяча километров мёртвых дорог и те, кто перестал быть человеком.

Чтобы найти друг друга, им придётся пересечь мир, который не прощает слабости. Чтобы полюбить — отпустить мёртвых и выбрать живых.

В пустом эфире каждый сигнал на вес золота. А пульс в тишине громче любого крика.

Содержание

Глава 1. Эфир	4
Конец ознакомительного фрагмента.	19

Анна Вейл

"Пульс в пустом эфире"

Глава 1. Эфир

Ночь приходила не сразу — сначала умирали цвета: серый бетон, ржавчина арматуры, выжженная охра травы, пробивающей асфальт. Потом исчезали тени, и только тогда наступала настоящая темнота, густая, плотная.

Вивьен зажигала лампу, одну, всегда одну, керосиновую, с треснувшим стеклом, обмотанным изолентой в три слоя. Огонь в ней дрожал, будто тоже боялся — не ветра, не холода, а того, что за стеной нет никого, кто мог бы его увидеть.

Она сидела на третьем этаже бывшего отеля «Меридиан», в номере, где когда-то висели шторы в цветочек и пахло чужими духами, а теперь пахло пылью и канифолью. Стены были облеплены проводами, как венами, на столе, сколоченном из двух тумбочек и дверцы шкафа, стояло то, ради чего Вивьен ещё дышала.

Радиостанция.

Старая, тяжёлая, с ламповым усилителем и треснувшей ручкой настройки. Станция стояла здесь, когда Вивьен пришла в отель. На столе. С наушниками на гвозде. С микрофоном, на решётке которого была вмятина. И с запиской, при-

клеенной изолентой к боковой панели:

«Частота 145.3. Антенна на крыше. Генератор в котельной, первый этаж. Не выключайте.»

Подпись неразборчивая. Может, имя. Может, просто караули. Вивьен не знала, кто написал. Не знала, куда ушёл этот человек. Не знала, жив ли он. Может, умер в коридоре. Может, ушёл навсегда. Неважно. Важно было то, что станция работала. Антенна торчала над крышей, привязанная к водосточной трубе медной проволокой. Трижды антенну рвало ветром, и трижды Вивьен лезла наверх. Не паяла. Просто брала моток медной проволоки из ящика на первом этаже и привязывала кабель обратно к трубе. Криво. Коряво. Узлами, которые мама показала в детстве. Кабель держался. Не всегда. Но держался.

Она надела наушники, тяжёлые, армейские, с потрескавшимися амбушюрами, из которых торчала серая вата, щёлкнула тумблером. Лампы внутри станции прогрелись, загудели низким утробным звуком, и шкала частот вспыхнула тусклым янтарным светом.

Белый шум хлынул в уши.

Вивьен закрыла глаза. Год она слушала этот звук, год белый шум был её колыбельной и её пыткой. Иногда в нём слышались голоса — обрывки, фантомы, эхо мёртвых передач, застрявших в ионосфере, как мухи в янтаре, иногда треск грозы или далёкий гул трансформатора, который никто не выключал, потому что некому было выключать. Но живого

голоса, человеческого, тёплого, отвечающего, не было ни разу.

Она придвинула микрофон, старый, динамический, с вмятиной на решётке — уронила в первый месяц, когда руки ещё тряслись и не слушались.

— Говорит Вивьен. Частота сто сорок пять и три. — Голос звучал хрипло. — Сегодня четырнадцатое сентября. Не знаю, какое по счёту. Я считаю ночи. Это триста шестьдесят пятая.

Она замолчала, послушала, как шипит эфир, как потрескивает остывающий металл где-то в недрах станции.

— Если кто-то слышит, если кто-то ещё есть — я здесь. Третий этаж, отель «Меридиан», перекрёсток улицы Фабричной и бульвара Сен-Клер. Город... — она запнулась. Город, какое нелепое слово. Куча бетонных коробок без стёкол, без света, без людей. — Я в том, что было городом. Координат не знаю. Долгота, широта — не знаю. Но если вы идёте на север вдоль реки, вы увидите антенну, она торчит над крышей, как удочка.

Она усмехнулась, усмешка вышла кривой.

— Я оставляю свет на крыше, красный фонарь, он горит каждую ночь. Если вы его видите — идите на него. Здесь безопасно.

Здесь безопасно. Ложь, которую она повторяла каждую ночь, чтобы самой в неё поверить. В мире, где по улицам бродят те, кто перестал быть человеком, где в подвалах быв-

ших супермаркетов гнездятся одичавшие собаки, где в тишине между ветром и ветром слышно, как они скребут когтями по бетону, принюхиваясь.

Но Вивьен не говорила об этом в эфире. Не потому что скрывала, просто если сказать вслух, что мир опасен, что мир мёртв, что мир кончился, тогда незачем включать станцию, незачем звать, незачем дышать.

— Говорит Вивьен. Частота сто сорок пять и три. Я здесь. Я никуда не ухожу.

Она откинулась на спинку стула, сняла наушники, повесила на гвоздь, послушала тишину без белого шума. Настоящую тишину, ту, в которой нет ни машин, ни голосов, ни музыки из чьего-то окна. Только ветер. Только скрип арматуры в развалинах через дорогу. Только собственное сердце, которое бьётся по привычке, потому что не умеет остановиться.

Вивьен встала, подошла к окну.

Город лежал перед ней, как вскрытое тело: улицы, заваленные обломками, пустые машины. Луны не было, небо затянуло пепельной мглой, и только на западе, за мёртвым заводом, слабо мерцало что-то красное — может, зарево торфяника, может, отражение её собственного фонаря на облаках.

Она смотрела на этот мир и видела его другим. Год назад здесь были люди, здесь был шум: гудки, смех, хлопанье дверей, лай собак, музыка из проезжающих машин. Здесь мама

звала ужинать, и голос её летел через двор, через тополя, через вечер, и Вивьен бежала домой, и подошвы шлёпали по тёплому асфальту.

Ей было семнадцать. Всего семнадцать. Последний класс, экзамены на носу, синий свитер с катышками, который она натянула в то утро, и мама в дверях кухни, с поварёшкой в руке, говорит: «Возьми зонт, обещали дождь». Семнадцать лет, и весь мир впереди, и никаких причин думать, что завтра не будет.

Она отвернулась от окна.

Не думать. Не сегодня. Не в триста шестьдесят пятую ночь.

Год назад мир замолчал за один день.

Не было взрыва, не было войны, не было того, что показывают в фильмах — грибовидных облаков, сирен, бегущих толп. Был вторник, обычный, серый вторник. Они жили на втором этаже, в старом доме на улице Лаваль, где лифт не работал с позапрошлого года и ступеньки были стёрты до гладкого блеска. Мама работала в бухгалтерии на первом этаже того же дома, в конторе, которая занимала три комнаты и пахла тонером и растворимым кофе. Вивьен помнила, как утром мама крикнула снизу: «Не забудь ключи!» — и голос её летел по лестничному колодцу, гулкий, тёплый, живой.

А потом — тишина.

Не метафорическая, настоящая, физическая. Будто кто-то выдернул шнур из розетки мира. Электричество умерло

мгновенно, повсюду, сразу, без предупреждения. Телефоны превратились в мёртвые кирпичи, машины встали, поезда застыли на путях, как игрушки. А потом пришли они... Серые. Медленные. С мутными глазами и открытым ртом. Не люди. Не звери. Что-то другое, что-то, что пришло вместе с тишиной. Днём спят в подвалах и в тени. Ночью бродят. Дышат влажно. Скрежещут когтями. Пахнут сладким и густым. Вивьен не знала, что это — болезнь, излучение, проклятие, неважно. Важно то, что люди начали умирать.

Первую неделю Вивьен пряталась в квартире, на втором этаже, заперев дверь на все замки. С мамой. С соседом, стариком Жераром с четвёртого, который пришёл с охотничьим ружьём и сказал: «Сидите тихо, девочки, я проверю подъезд». Жерар не вернулся.

Дни тянулись. Еды хватало — консервы, крупы, то, что было в шкафах. Но вода кончилась на четвёртый день. Та, что в трубах, — мёртвая, ржавая, с привкусом железа и застоя. Пить её можно было день, два, на третий начинало рвать. Краны молчали. Бачок унитаза был пуст.

Мама смотрела в окно весь день. Вивьен помнила это: мама стояла у окна, отодвинув штору, и смотрела вниз, на улицу. Долго. Внимательно. И сказала, не оборачиваясь: «Их нет. С самого утра — ни одного. Я с рассвета смотрю, Вивьен. Днём их нет. Они боятся солнца. Или солнце их убивает. Не знаю. Но днём пусто».

Мама повернулась, посмотрела на Вивьен, и в глазах её

было что-то — не надежда, но расчёт, как у человека, который решает задачу.

— Пойду сейчас. До темноты ещё два часа. До колодца на углу — пять минут туда, пять обратно. Если их нет днём — я дойду.

Вивьен просила подождать до утра. До рассвета. До полной гарантии. Но мама покачала головой: «До утра мы не дотянем. Ты пить хочешь сейчас. И я хочу. И лучше идти сейчас, пока видно, чем завтра в темноте».

И взяла пластиковую канистру из-под стеклоочистителя. Взяла кухонный нож с чёрной ручкой.

Мама ушла. При свете дня. Когда солнце ещё не село.

Вивьен сидела у двери, считала. Минуты. Пять. Десять. Пятнадцать. Двадцать. Она не боялась за маму — мама сказала, что днём безопасно, и Вивьен верила, потому что мама никогда не врала. Просто считала, чтобы не сойти с ума от тишины.

Мама вернулась через сорок минут. Не через три часа. Через сорок минут. С полной канистрой воды. Но с рваной раной на предплечье. Рана шла от локтя до запястья — длинная, с рваными серыми краями, будто кожу задрали тупым крюком. Не глубокая, не до кости. Но длинная. И ещё одна — на боку, под курткой, которую мама прижимала ладонью, и сквозь пальцы сочилось тёмное.

— Я ошиблась, — сказала мама коротко, без подробностей, будто отчитывалась. — Они не все спят днём. Один был

в подъезде. В темноте. У лестницы. Солнце туда не достаёт. Он лежал, как мешок, я думала — мёртвый. Прошла мимо. А он дёрнулся. Медленно, как во сне. Зацепил когтями. Я вырвалась и побежала. — Она показала на рану. — Ерунда. Царапина.

Вивьен достала аптечку. Перекись, бинт, пластырь, который не клеился. Мама шипела, пока Вивьен промывала рану на предплечье, но не отводила руку. А бок не показала. Сказала: «Там ничего, куртку зацепил». Сидела, дышала, говорила ровным голосом: «Лей, лей больше, хорошая вода, чистая». Будто уговаривала не рану, а себя.

На пятый день рука распухла. Не сильно, так, чтобы Вивьен заметила. Края покраснели, потемнели. Мама сказала: «Ничего, пройдёт», замотала бинтом, сверху изолентой. Сказала: «У нас есть дела. Вода кончается, консервы кончаются. Надо думать». И думала. И ходила. И считала. Потому что останавливаться было нельзя.

На шестой день рука стала горячей. Вивьен прижала ладонь к маминому лбу и почувствовала жар — не сильный, но ровный, как печка, которую забыли загасить. Мама отмахнулась: «Это ерунда, это царапина, не выдумывай». И пошла проверять замки и считать консервы.

На седьмой день появился запах.

Вивьен почувствовала его утром. Сладковатый, густой, как мясо, оставленное на солнце. Мама сидела на кухне, замотанная в куртку, хотя было тепло. Бинт на предплечье по-

темнел, стал бурым, влажным. Мама не снимала его, не смотрела. Когда Вивьен потянулась, чтобы сменить повязку, мама отдёргнула руку, резко, и голос был чужой, тонкий, с трещиной: «Не трогай».

Вивьен всё равно посмотрела. Ночью, когда мама уснула на диване, свернувшись, подтянув колени к груди. Подкралась, осторожно, как к раненому зверю, отклеила изоленту, размотала бинт. И увидела.

Рана не заживала. Рана жила. Края разошлись, вывернулись наружу, серо-жёлтые, влажные, в глубине пульсировало что-то тёмное, а вокруг расходились багровые полосы к локтю, к плечу, как корни дерева, как трещины в бетоне, по которым идёт вода.

На восьмой день мама легла. Впервые. Не сидела, не ходила, не считала консервы. Лежала на диване, на боку, больная рука прижата к животу. Глаза открыты, смотрят в стену, губы шевелятся. Вивьен подошла, наклонилась. Мама шептала — не слова, числа. Считала. Консервы, гвозди, литры воды, патроны, которых не было. Считала, чтобы не думать о руке. Чтобы быть где-то, где есть задача, где есть порядок, где есть завтра.

Вивьен села рядом, взяла мамину здоровую руку. Мама сжала, слабо, пальцы горячие, сухие.

— Ви, — сказала мама. Голос хриплый, тихий, но ровный. Не плакала, не жаловалась. Говорила как человек, который диктует список. — В ящике стола нож. Ещё там спички, три

коробка. Береги. Огонь — это жизнь.

— Мам.

— Не перебивай. Вода. Набирай в канистру, кипятить не нужно, но фильтруй. Через ткань, через любую ткань. Уголь из костра, если найдёшь. Уголь фильтрует.

— Мам, пожалуйста.

— Тихо. Я говорю. — Мама сжала её руку, пальцы дрогнули. — Нож, кухонный, с чёрной ручкой. Держи при себе. Не для них. Для банок, для верёвок, для всего. Не для них. Слышишь? Если увидишь их — беги. Не дерись. Беги.

Вивьен кивнула. Не могла говорить, горло сжалось, в глазах жгло.

Мама помолчала. Закрыла глаза, открыла. Посмотрела на Вивьен — долго, внимательно, как запоминает, как фотографирует.

— Ты ела сегодня?

— Да.

— Врёшь.

Вивьен усмехнулась. Сквозь слёзы.

— Вру.

— Поешь. Консервы, те, в жестяной банке, с синей этикеткой. Не вздутые проверяй. Вздутые — яд.

Вивьен кивнула. Глотала воздух, глотала ком в горле.

Мама откинулась на подушку, посмотрела в потолок, сказала уже тише, почти себе:

— Завтра поменяй повязку. Не бойся. Просто перекинь и

чистая ткань. Не трогай края, не ковыряй. Просто закрой и завяжи.

— Хорошо.

— И окно. Закрой окно, вечером холодно.

— Хорошо, мам.

Мама закрыла глаза. Дыхание стало ровнее, глубже. Вивьен сидела рядом, держала руку, считала вдохи. Один, два, три, десять, двадцать.

На девятый день утром Вивьен проснулась от тишины. Не от шума, не от крика. От тишины. Той самой, физической, когда в комнате перестаёт быть второе дыхание.

Мама лежала так же. На боку, рука прижата к животу, бинт тёмный. Лицо спокойное, рот чуть приоткрыт. Вивьен коснулась щеки — тёплая. Ещё тёплая. Но уже не своя, уже чужая температура, температура предмета, который остывает.

Вивьен не закричала, не затрясла. Сидела, держала мамину руку и считала. Не вдохи. Минуты. Сколько минут прошло с тех пор, как рука начала остывать. Пять, десять, двадцать. Считала, потому что мама учила считать. Потому что считать — это задача, а задача — это порядок, а порядок — это то, за что можно держаться, когда всё остальное уже не держит.

Потом она встала. Закрыла маме глаза, подтянула куртку на плечи, замотала больную руку в чистую ткань — не бинт, а наволочку, потому что бинты кончились. Не потому что

это имело смысл. Потому что мама всегда закрывала, всегда прятала раны, всегда говорила: «Не смотри, ерунда, пройдёт». И Вивьен закрыла. В последний раз.

Она похоронила маму во дворе, там, где раньше была детская площадка. Земля была твёрдая. Вивьен копала ножом с чёрной ручкой и обломком лопаты из подвала. Три часа. Ладони в кровь, спина не разгибалась. Яма получилась кривая, мелкая, не по размеру. Вивьен углубила. Ещё час. Потом положила маму, замотанную в одеяло, с руками, сложенными на груди. Засыпала. Положила сверху кирпич, нацарапала гвоздём: «Мама».

Вернулась в квартиру на втором этаже. Заперла дверь. Села на пол. Просидела до вечера. Не плакала, не кричала. Сидела, дышала, считала.

Потом встала. Открыла банку с синей этикеткой. Съела.

Она нашла отель на третий день после того, как похоронила маму. Не потому что хотела. Потому что вода кончилась, консервы кончились, и оставаться в квартире значило умереть. Вивьен взяла нож с чёрной ручкой, три коробка спичек, пустую канистру и пошла. По улице. По свету. По маминому правилу. Днём.

Отель «Меридиан» она нашла к вечеру. Трёхэтажный, кирпичный, с выбитыми стёклами и ржавой вывеской. Обошла. Посмотрела в окна. Днём безопасно. Днём их нет. Вошла.

На первом этаже, в бывшей котельной, стоял генератор.

Старый,, с баком, наполовину полным. Рядом — канистра с бензином. И записка, приклеенная изолентой к баку: *«Генератор. Кабель идёт на третий этаж. Не выключайте.»*

Вивьен залила бензин в бак. Включила генератор. Звук пошёл вверх по лестничному колодцу, отразился от голых стен, от бетона, от пустоты, долетел до третьего этажа ровным, живым тарахтением. Поднялась. Села за стол. Надела наушники. Включила станцию. Лампы прогрелись, загудели, шкала вспыхнула янтарём. Белый шум хлынул в уши.

И Вивьен заговорила.

Не потому что умела. Не потому что понимала, как работает ламповый усилитель или что такое частота. Просто включила. Просто нажала кнопку. Просто сказала в микрофон: «Говорит Вивьен. Я здесь. Я никуда не ухожу.» И стала ждать.

Первые месяцы она звала маму. Знала, что глупо. Знала, что мама не ответит. Но говорила: «Мам, я здесь. Я поела. Я закрыла дверь. Не волнуйся.» И плакала. И шипение эфира было единственным ответом, и это было лучше, чем ничего.

Потом перестала звать маму. Стала звать всех. Любого. Кого угодно. Голос в пустоте. Доказательство того, что мир не кончился до конца, что где-то, за тысячей километров мёртвых дорог, за городами, которые стали могилами, за лесами, в которых бродят они, есть кто-то, кто тоже дышит. Кто тоже не сдался.

Триста шестьдесят пять ночей. Ни одного ответа.

Вивьен легла на раскладушку в углу комнаты. Не раздеваясь. Куртка, ботинки, нож на поясе. Она всегда спала в одежде, привычка. Закрыла глаза.

Белый шум всё ещё стоял в ушах — фантомный, въевшийся в нервы, как запах канифоли в пальцы. Вивьен слышала его даже без наушников, даже в тишине, даже во сне.

Она почти уснула. Почти. Тело уже тяжелело, мысли расплывались, дыхание выравнивалось. Почти.

И тогда станция щёлкнула.

Не громко, тихо, едва слышно. Но Вивьен услышала — тело среагировало раньше мозга. Глаза распахнулись, сердце ухнуло вниз, как в провал.

Она села. Посмотрела на станцию. Шкала светилась янтарём, лампы гудели, белый шум шипел в динамиках, ровный, бесконечный.

Ничего.

Вивьен выдохнула. Потёрла лицо ладонями. Показалось. Год тишины, и мозг начинает выдумывать звуки. Заполнять пустоту. Искать паттерны там, где их нет. Она читала об этом — сенсорная депривация, галлюцинации. Мозг не выносит вакуума и создаёт голоса из шума.

Она легла обратно. Закрыла глаза.

И тут шум изменился.

Не сильно, едва уловимо. Будто в белом шуме появилась трещина, тонкая, как волос. Будто кто-то очень далеко прижал ладонь к мембране микрофона и дышал. Тяжело. Ровно.

Как человек, который только что поднялся на высоту, или который долго молчал и теперь собирает слова.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.